

УДК 811.161.1

**ЛАНДШАФТНАЯ ЛЕКСИКА В ПРОСТРАНСТВЕ ПОСЛОВИЦ И СМЕЖНЫХ С НИМИ
ОБРАЗОВАНИЙ В ДИАЛЕКТНОМ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (на материале «Словаря
говоров Костромского Заволжья»)**

Н.С.Ганцовская, Г.Д.Неганова

**LANDSCAPE VOCABULARY IN PROVERBS IN THE DIALECT LEXICOGRAPHICAL DISCOURSE: A
STUDY BASED ON “THE DIALECT DICTIONARY OF KOSTROMA ZAVOLZHE”**

N.S.Gantsovskaya, G.D.Neganova

Костромской государственный университет им. Н.А.Некрасова, gantsovsky_n@mail.ru

В статье рассматривается ландшафтная лексика в пространстве пословиц и смежных с ними образований говоров междуречья Костромы и Унжи. Устойчивые обороты помогают полнее представить семантическую структуру и деривационные связи указанной лексики, что важно для определения места изучаемых говоров в диалектном членении русского языка.

Ключевые слова: *ландшафтная лексика, среднерусские говоры, междуречье Костромы и Унжи, номинация водоёмов, Лексический атлас русских народных говоров*

The article deals with landscape vocabulary in the area of proverbs and their closely related formations of dialects of the Kostroma and Unzha interfluvium. Set expressions help to present the semantic structure and derivation connections of the above-mentioned vocabulary in more detail, which is essential for locating the studied dialects in the dialect division of the Russian language.

Key words: *landscape vocabulary, Central Russia dialects, the Kostroma and the Unzha interfluvium, nomination of water bodies, lexical atlas of Russian national dialects*

«Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи» охватывает говоры значительной по протяжённости территории Костромской области (Солигаличского, Чухломского, Буйского, Кологривского, Парфеньевского и Галичского районов), центральной частью которой является

Костромской акчающий остров — КАО [1]. КАО на карте МДК 1915 г. обозначен цифрой 3, как и подмосковные говоры, и представляет собой среднерусские говоры с севернорусской основой и южнорусским наслоением (последнее теперь в основном только в области безударного вокализма) [2, 3].

Г.Г.Мельниченко полагал, что лексика оающих и акающих говоров междуречья Костромы и Унжи не представляет различий, и на своих лингвистических картах определил территорию междуречья как единую шестую зону в пределах картографируемого им пространства Владимиро-Суздальского княжества [4], мы также придерживаемся подобного мнения. Поскольку Костромское Заволжье — речной и озёрный край, естественно, что в словарной части его речевого идиома видное место принадлежит ландшафтной лексике «водяной» тематики: названиям собственно воды как особого природного феномена и её дериватов в их прямом и производных значениях, номинациям водоёмов и других гидрообъектов со всеми особенностями их существования в пространстве и времени и т.д. (См. содержание раздела 3 «Ландшафт (рельеф, почвы, водоёмы)» в Программе лексического атласа русских народных говоров [5]). Такая лексика в пределах названного выше словаря нередко иллюстрируется устойчивыми оборотами, в том числе и афористического типа, которые помогают полнее представить семантическую структуру и деривационные связи толкуемого слова, выявить его первоначальный (денотативный) смысл, что важно для ареальных характеристик слова. Представим выборку подобных устойчивых единиц, извлечённых из курса Словаря говоров Костромского Заволжья.

♦ Бродная река. Река, имеющая броды, переходы по мелководью. *Здесь река бродная.* Галич. (Курьяново). ♦ Живая вода. Чистая родниковая вода. *У нас живая вода на ключике за посёлком, туда и хожу.* Чухл. (Ворваж). *Нельзя ли живой воды достать? Она при любой болезни помогает.* Буйск. (Барская). ♦ Лёд пошёл. Ледоход, вскрытие реки, озера. *Сегодня ведь лёд пошёл, видели?* Галич. ♦ Малая вода. Низкий уровень воды в реке в мелководье. *Здесь уже малая вода.* Галич. ♦ Ад безданный. Человек без меры в своих действиях. *Ах, он ад безданный, все спал!* Буйск. (Плещеево). ♦ Чёрт водяной. Мифический персонаж, обитающий в воде. *Это чёрт водяной со мной шутки шутит.* Буйск. (Ушаково). ♦ Грести'сь, как про'тив воды'. Жить, с трудом преодолевая препятствия. **Будет ли конец всему этому? Гребёшь'ся, как против воды.* Парф. (Шумилино). Пола'ва. Вешняя вода, разлив. ♦ Куда' тебя' пола'ва понесла'? Куда тебя понесло? *Куда ты пошёл? Куда тебя полава понесла на ночь-то глядя?* Буйск. (Контево). ♦ Рыба по'суху не ходит, без воды не может жить. Иносказательно: к рыбному блюду нужна выпивка. **Значит, вечером праздник. Рыба посуху не ходит... без воды не может жить.* Парф. (Шумилино).

Здесь особое внимание уделим анализу ландшафтной лексики в составе тех трёх последних из приведённого выше списка устойчивых оборотов в виде изречений с назидательным смыслом, народных афоризмов, относительно протяжённых и имеющих буквальный и переносный смысл, которые с некоторой опаской назовём пословично-поговорочными выражениями. Мы привели эти примеры в контексте тех словарных статей, где они находятся, и считаем нужным отметить, что они позволяют выявить, не-

смотря на свой иносказательный характер, первичное денотативное содержание их главного смыслового компонента — *воды*, как бы законсервировавшееся в их составе.

В первом примере посредством контекста («грести'сь, как против») легко выявляется первичное кодовое значение слова *вода* — «течение». Это значение присуще было слову *вода* с древних времён, фиксируется большим количеством историко-лингвистических, областных и географических словарей, из чего можно заключить, что оно существовало ещё в древнерусском языке и закрепилось в народной речи многих регионов России. Так, в «Словаре русского языка XI—XVII вв.» приведена иллюстрация из Жития протопopa Аввакума со значением «против воды — *против течения*»: «Три годы ехалъ изъ Дауръ; а туды волокся пять лѣтъ противъ воды» [6]. Также цитаты из писем протопopa Аввакума 1664 года и ещё одного исторического источника 1637 г. с оборотом «против течения» приведены в Словаре обиходного русского языка Московской Руси [7]. В «Словаре говоров Русского Севера» в статье на слово «Вода» в 4 значении слова «течение реки» приводятся примеры со значением слова, аналогичным костромскому: «Не было моторов, ездили на гребях, и против воды, и всяко» и «Недотком ловить по воде надо, против воды ничего не поймашь» [8]. В «Псковском областном словаре» с историческими данными приводится третье значение слова *вода* «течение реки» с примерами из псковских говоров: «Верша ставицца против вады. *Остр. Козлы.* У рыбы нарост, она идёт против вады. *Печ. Подгор.*» [9]. В «Словаре народных географических терминов» Э.М.Мурзаева с пометой «Колыма» есть следующее замечание: «Против воды — “против течения”» [10]. Подобное значение «навстречу» предлога *против*, употребляющегося с вин. п., в сочетании «Против воду. Навстречу течению (воды)» отмечено и в «Словаре русских народных говоров» (СРНГ) относительно колымских говоров Якутии и датировано 1901 г. [11].

Во втором примере «Куда тебя полава понесла?», как и в первом, есть и буквальное, и переносное значение, но значение *вода* скрыто в семном составе слова *полава* «вешняя вода, разлив». В «Словаре церковно-славянского и русского языка 1847 г.» есть наречие *поло* — «открыто» [12]. В Словаре народных географических терминов Э.М.Мурзаева слово *пола* имеет значение «река, голая, не покрытая льдом; открытый участок воды среди льдин в море» [13]. В СРНГ *полава* значит «полая вода», датируется 1980 г. и имеет географическую помету «Судислав., Костром.», а само выражение «Куда тебя полава понесла?» — пометы Буйск. и Судисл. также 1980 г. и толкуется так: «Куда тебя нечистая понесла?» [14]. Ср. данные «Фразеологического словаря русского языка»: «Чёрт [нелёгкая, нечистая сила] несёт *кого*. Чёрт [нелёгкая, нечистая сила] занёс [принёс] *кого, куда*» с пометой «прост.» (просторечное) — «Неизвестно зачем, с какой целью едет, отправляется и т.п. куда-либо. Выражение сожаления, досады и т.п. по поводу решения отправиться куда-либо»; «Чёрт [нелёгкая] носит *кого*. Чёрт [нелёгкая] унёс *кого, куда*» с поме-

той «прост.» (просторечное) — «Кто-либо пропадает, шляется, болтается где-то. Выражение неудовольствия этим»; «За каким [коим] чёртом [дьяволом, лешим]?» с пометой. «прост.» — «Зачем, для чего?» [15].

В третьем примере $\diamond$ *Рыба посуху не ходит, без воды не может жить* слово *вода* употребляется в своём прямом значении как 'масса воды', которое сопоставимо с первым значением этой лексемы в Словаре русского языка: «Прозрачная бесцветная жидкость, образующая ручьи, реки, озёра, моря и представляющая собой химическое соединение водорода с кислородом» [16]. Образное значение данной конструкции, возможно, зависит от ассоциативно-перекрёстных связей слов *рыба* — *вода* — *водка*, так как слово *водка* в костромских и иных говорах имеет тот же денотат, что и *вода*, и является её уменьш.-ласкательным дериватом или обозначением ключевой воды. См., например, первое значение слова *водка* в СРНГ, которое имеет пометы Костром., Влад., Яросл., Вят., Арх. [17]. Так, для слова *рыба* естественна ассоциация со словом *вода*, а в условиях деревенского застолья *вода* вызывает образ крепкого напитка — водки, которая, естественно, должна сопровождать праздничное употребление в пищу свежешелювленной рыбы. Это пословицное выражение известно широко, и на разных территориях (есть оно в Толковом словаре под ред. Д.Н. Ушакова [18], правда, в усечённом виде — *Рыба посуху не ходит* и т. д.).

Костромские фразеологизмы, представляющие собой атрибутивные словосочетания со словом *вода*: *духовая вода*, *дохлая вода*, *живая вода*, *малая вода*, *святая вода* — образны и многосмысленны: благодаря разнообразным прилагательным-конкретизаторам выявляют разные свойства их ведущего компонента — *воды* (H₂O), являясь дескрипторами разных участков действительности данного локуса. Впрочем, эти фразеологизмы общенародны и характеризуют широкие этнокультурные зоны существования русского языка, может быть, за исключением галичского *духовая вода*, которое не обнаружено нами ни в одном словаре, но имеет точное смысловое соответствие в СРНГ в виде существительного *духовая* также с пометой «Галич., Костром.». Оно обозначает «время, когда вода в водоёмах становится затхлой; состояние воды в это время» и извлечено из труда М.Виноградова 1914 г., деятеля Костромского научного общества, описавшего рыболовный промысел на Галичском озере [19]. «Сокровенно» сема *вода* содержится в выражениях *бро'дная река*, *лёд пошёл, чёрт водяной, ад бездённый*. Последнее бранное выражение *ад бездённый* характеризует человека, но ассоциативно-деривационные связи обнаруживают ландшафтное происхождение его атрибутивного компонента: дно — «нижняя поверхность, подстилающая площадь реки, озера, ледника, океана, болота» [20], да и само слово *ад* и в прямом, и в переносном значении — это локус.

В Словаре Костромского Заволжья наряду с полевыми записями используется лексический и фразеологический материал, извлечённый из произведений писателей, связанных с костромским краем. Так,

звёздочкой в ряду наших примеров мы обозначили пословицные выражения, которые содержатся в книге Юрия Бородинки, уроженца Парфеньевского района (бывшего Кологривского уезда), «Кологривский волок» [21]. Данные пословицы, возникшие в народно-разговорной стихии русского языка, не подверглись глубокому индивидуально-авторскому воздействию, но в полной мере раскрылись на фоне контекста художественного произведения Ю. Бородинки, где объектом описания был быт и нравы послевоенной костромской деревни со всеми их традиционными особенностями. И тут можно вспомнить слова во вступительной статье к книге Власа Платоновича Жукова «Словарь русских пословиц и поговорок» о том, что «бесценным сокровищем для толкователей пословиц и поговорок всегда будет русская художественная литература всех эпох, начиная с „Повести временных лет“ и кончая книгами лучших современных писателей» [22].

1. Ганцовская Н.С. Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи / под ред. С.А.Мызникова. Рукопись. 560 с. [Хранится в Словарном отделе ИЛИ РАН].
2. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии // Труды Московской диалектологической комиссии / сост. Н.Н.Дурново, Н.Н.Соколов, Д.Н.Ушаков. М.: Синод. тип., 1915. Вып. 5. 140 с.
3. Ганцовская Н.С. Лексика говоров Костромского акающего острова: проблемы типологии. СПб.: Наука, Кострома: КГУ им. Н.А.Некрасова, 2007. 228 с.
4. Мельниченко Г.Г. Некоторые лексические группы в современных говорах на территории Владимиро-Суздальского княжества XII — нач. XIII в. (территориальное распространение, семантика и словообразование). Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1974. 270 с.
5. Программа собирания сведений для лексического атласа русских народных говоров. СПб.: ИЛИ РАН, 1994. С. 34-41.
6. Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 2. М.: Наука, 1975. С. 250.
7. Словарь обиходного русского языка Московской Руси. Вып. 2. СПб.: Наука, 2006. С. 258.
8. Словарь говоров Русского Севера. Т. 1 / Под ред. А.К.Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. С. 135.
9. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 4. Л.: Изд-во Лен. ун-та, 1979. С. 71.
10. Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. М.: Мысль, 1984. С. 124.
11. Словарь русских народных говоров. Вып. 32. С. 267.
12. Словарь церковно-славянского и русского языка: в 4 т. Т. 3. СПб.: Тип. Император. Акад. наук, 1847. С. 318.
13. Мурзаев Э.М. Там же. С. 447.
14. Словарь русских народных говоров. Вып. 29. С. 30.
15. Фразеологический словарь русского языка / Л.А.Войнова, В.П.Жуков, А.И.Молотков, А.И.Фёдоров / Под ред. А.И.Молоткова. 4-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1986. С. 521, 524.
16. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1 / Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1981. С. 91.
17. Словарь русских народных говоров. Вып. 4. С. 338.
18. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. Т. 3 / Под ред. Д.Н.Ушакова. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1939. С. 647.
19. Словарь русских народных говоров. Вып. 8. С. 279.
20. Мурзаев Э.М. Там же. С. 184.
21. Бородин Ю.С. Кологривский волок. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1990. 525 с.
22. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. 4 изд., испр. и доп. М.: Рус. яз., 1991. С. 7.

References

1. Gantsovskaya N.S. Slovar' govorov Kostromskogo Zavolz'h'ya: mezhdurech'e Kostromy i Unzhii. Pod. red. S.A.Myznikova. Rukopis'. 560 s. (Khranitsya v Slovarnom otdele ILI RAN). [Dialect dictionary of the Kostroma Zavolzhie: the interfluvium of the Kostroma and the Unzha, ed. by S. A. Myznikov. The manuscript. 560 p. (Is stored in Dict. Dep. of the ILI RAS)].
2. Opyt dialektologicheskoy karty russkogo yazyka v Evrope s prilozheniem ocherka russkoy dialektologii [A dialectological map of the Russian language in Europe, the essay on dialectology attached]. Proceedings of the Moscow dialectological committee, comp. N.N.Durnovo, N.N.Sokolov, A.N.Ushakov. Moscow, Synodal Publ., 1915. Vol. 5. 140 p.
3. Gantsovskaya N.S. Leksika govorov Kostromskogo akajushhego ostrova: problemy tipologii [Lexis of a Kostroma local dialect island: problems of typology]. Saint Petersburg.: Nauka Publ.; Kostroma, Univ. publ., 2007. 228 p.
4. Melnichenko G.G. Nekotorye leksicheskie gruppy v sovremennykh govorakh na territorii Vladimir-Suzdal'skogo knjazhestva XII — nach. XIII v. (territorial'noe rasprostranenie, semantika i slovoobrazovanie) [Some of the lexical groups in modern dialects on the territory of the Vladimir-Suzdal Principality XII — beginning of the XIII century (territorial distribution, semantics and word formation)]. Yaroslavl, Upper Volga Publ., 1974. 270 p.
5. Programma sobiraniya svedenij dlja leksicheskogo atlasa russkikh narodnykh govorov. [The program of gathering information for the lexical Atlas of Russian folk dialects]. Saint Petersburg: ILI RAS Publ., 1994. P. 34-41.
6. Slovar russkogo jazyka XI—XVII vv. [The dictionary of the Russian language of the XIth-XVIIth centuries]. Vol. 2. Moscow, Nauka publ., 1975, p. 250.
7. Slovarobihodnogo russkogo jazyka Moskovskoj Rusi [The dictionary of everyday Russian language of Moscow Rus]. Vol. 2. Saint Petersburg, Nauka publ., 2006, p. 258.
8. Slovar govorov Russkogo Severa [The dictionary of local dialects of the Russian North]. Vol. 1. Ed. by A.K.Matveev. Yekaterinburg, Ural Univ. publ., 2001, p. 135.
9. Pskovskij oblastnoj slovar s istoricheskimi dannymi. [Pskov dialects dictionary with historical data]. Vol. 4. Leningrad, Univ. publ., 1979, p. 71.
10. Murzaev E.M. Slovar narodnykh geograficheskikh terminov [Dictionary of folk geographical terms]. Moscow, Nauka Publ., 1984, p. 124.
11. Slovar russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian folk dialects]. Vol. 32, p. 267.
12. Dictionary of Church Slavonic and Russian language. Vol. 3. Saint Petersburg, Imperial Academy of Sciences publ., 1847, p. 318.
13. Murzaev E.M. Ibid., p. 447.
14. Slovar russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian folk dialects]. Vol. 29, p. 30.
15. Molotkov A.I., ed. Frazeologicheskij slovar russkogo jazyka [Phraseological dictionary of the Russian language]. Moscow, Rus. yaz. publ., 1986, p. 521, 524.
16. Evgenyeva A.P., ed. Dictionary of the Russian language. Vol. 1. M., Rus. yaz. publ., 1981, p. 91.
17. Slovar russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian folk dialects]. Vol. 17, p. 338.
18. Ushakov D.N. Tolkovyj slovar russkogo jazyka [Monolingual dictionary of the Russian language]. Vol. 3. Moscow, Gos. izd-vo inostr. i nac. slovaroj, 1939, p. 647.
19. Slovar russkikh narodnykh govorov [The dictionary of Russian folk dialects]. Vol. 8, p. 279.
20. Murzaev E.M. Ibid., p. 184.
21. Borodkin U.S. Kologrivsky volok. Yaroslavl, Upper Volga publ., 1990. 525 p.
22. Zhukov V.P. Slovar russkikh poslovic i pogovorok [Dictionary of Russian Proverbs and sayings]. Moscow, Rus. yaz. publ., 1991, p. 7.